

Двадцать второе октября, Сучжоу.

Бушевал свирепый ветер, кружа желтый песок вперемешку с летящим снегом; они срывали сухие ветки и дикую траву, с треском и грохотом ударяясь о прочные городские стены Сучжоу.

У подножия стен лежали насмерть замерзшие простолюдины. Слышался прерывистый плач ребенка месяцев четырех-пяти, чьи худые, тощие ручки шлепали по лицу матери — ее кожа была синевато-серой, но она, даже окоченев в смерти, все еще мертвецки крепко прижимала его к груди.

Детский плач постепенно затихал и вскоре затерялся среди бушующей песчаной бури.

Внутри стен, в особняке наместника, горел уголь, было тепло и уютно. Несколько дерзких и свободных девушек из западных регионов, закутанные в легкие полупрозрачные ткани, перебирали пальцами струны гуциней, одновременно играя и танцуя, и время от времени бросали соблазнительные взгляды на окружающих.

Янь Шицин от души пил вино и закусывал мясом, а на почетном месте под ним сидел мужчина в узюэских одеждах, с искривленным ножом и волчьими зубами на поясе.

Этому мужчине было около двадцати с небольшим лет, он отличался необычайной красотой: высокий нос, глубоко посаженные глаза, длинные брови и тонкие губы. Его кожа была обожжена солнцем до бронзового оттенка, а на обеих мочках ушей покачивались серьги из золота и нефрита, что выдавало его благородное происхождение.

— Принц Агудаму, — улыбаясь, произнес Янь Шицин, и жир на его лице собирался складка к складке. — У нас в Центральных равнинах есть поговорка: каждый метет снег перед своим порогом, а до чужих сосулек на крыше ему дела нет.

Орлиный взгляд Агудаму холодно скользнул по Янь Шицину.

Янь Шицин пожал плечами, делая вид, что не замечает взгляда, которым его хотели разорвать на куски:

— В этом году урожай выдался плохим, мы в Сучжоу сами еле сводим концы с концами, как глиняный болван, переправляющийся через реку... Откуда у нас лишнее зерно, чтобы продать его вам?

Агудаму: «.....»

Цингеритэй с тревожным выражением лица произнес:

— Но племя Черной Змеи и племя Пылающего Волка уже несколько дней сидят без зерна! Если так пойдет и дальше, люди начнут умирать с голоду!

В пустыне бушевал неистовый ветер. Холодный поток, устремляясь от Цзяюгуаня прямо на восток, прорвался в город Чанъань.

Сюй Инбай некоторое время смотрел на шахматную доску и с сожалением произнес:

— Господин Мэй, я снова проиграл.

После четырех месяцев ожесточенной борьбы они не добились равным счетом ничего, лишь понесли тяжелые потери: войска редели, число убитых и раненых росло.

«.....» Агудаму стиснул зубы. — Тогда мы возьмем его силой!

На доске в беспорядке пересекались черные и белые камни. Мэй Юн, одетый в повседневные одежды, с седыми волосами и бородой, на мгновение задумался и опустил белый камень.

Смерть людей от голода — дело серьезное. Племена Уцзюэ привыкли пить кровь и есть сырое мясо; если их довести до безумия голодом, они вполне могут начать вырезать стариков, женщин и детей собственного племени.

— Занять не удастся, — в голосе Агудаму сквозила тяжелая, мрачная злоба. — Этот старый хрыч Янь Шицин... Он не хочет нам помогать, борьба с Центральными равнинами напугала этого труса.

— К тому же, есть ли у вас сейчас деньги, чтобы купить его?

Сюй Инбай, закутанный в черный плащ, сидел в беседке и играл в шахматы с Мэй Юном.

— Принц... — попытавшись заговорить с ним, слуга Цингеритэй осекся, не договорив. — Ну как?

Агудаму больше не стал продолжать разговор с этой хитрой жирной лисицей. Он лишь бросил взгляд на тарелки с мясом перед Янь Шицином и крепко сжал чашку с чаем.

Начало зимы уже миновало, в Чанъане пошел снег — негустой, мелкими плотными хлопьями оседавший на сухих ветках.

— Время нынче тяжелое, неурожай идут год за годом. Что у вас, в Уцзюэ, осталось, кроме кривых ножей в руках? — с расстановкой увещевал Янь Шицин. — Принц Агудаму, если

спросить меня, человека грубого, вам лучше пойти и пограбить!

Они впервые столкнулись с таким яростным сопротивлением. Командовавшие армией военачальники мастерски управлялись с войсками и расстановкой сил: несмотря на то, что Янь Шицин прислал проводников из числа жителей Центральных равнин, уцзюэ так и не смогли захватить ни единого города, более того, даже прежде захваченные города армия Великой Цзинь отбила обратно!

— Вы говорили то же самое в прошлый раз, — жестко бросил Агудаму. — Но мы столкнулись с армией вашего императора.

— ...Тут уж ничего не поделаешь, — отделался смешком Янь Шицин. — Кто же знал, что императорский двор пришлет столь сурового волка.

В глазах Агудаму на миг мелькнула боль, и он холодно произнес:

— Житель Центральных равнин, ты обещал обеспечить нас продовольствием.

— Но для этого зерно должно у нас быть, — Янь Шицин развел руками и с усмешкой добавил.

— Если мы отдадим его вам, уцзюэ, что тогда есть нам самим?

Не прошло и полчаса, как Агудаму поднялся и ушел. Янь Шицин радостно провожал его, желая лишь одного — чтобы тот двигался еще быстрее.

Мэй Юн громко рассмеялся:

— Это Инбай проявил снисходительность.

За пределами беседки шумно падал мелкий снег, издавая едва слышный шуршащий шорох. Сюй Инбай поднял голову и выдохнул облачко белого пара.

Мэй Юн тоже посмотрел на заснеженные окрестности и через некоторое время спросил Сюй Инбая:

— Как поживает твой наставник в последнее время?

Сюй Инбай повернул голову, потирая озябшие до онемения руки, и мягко ответил:

— Учитель говорит, что в последнее время познает Путь, должно быть, он ушел в затворничество. Позвольте мне поблагодарить господина Мэя за беспокойство.

— Хм, познает Путь... — Мэй Юн начал собирать камни с доски. — Нашел же что сказать.

Сюй Инбай опустил ресницы и не стал распространяться дальше.

Внезапно из-за пределов беседки повеяло резким порывом ветра. Правая рука Сюй Инбая инстинктивно скользнула к поясу, но нащупала лишь пустоту, а в следующее мгновение ему в объятия сунули грелку для рук.

Человек, пришедший по снегу, источал мрачную, ледяную ауру; сунув грелку, он встал в стороне, по-прежнему плотно скрывая лицо под той же мазкой фиолетового золота.

От раскаленной грелки озябшие пальцы Сюй Инбая вновь обрели подвижность.

— Твой слуга на редкость заботлив, — Мэй Юн взглянул на этого услужливого охранника, но вдруг замер. — ...Ты же...

Сюй Инбай погладил узор на грелке и неторопливо бросил Фу Линъи:

— Ступай пока.

Фу Линъи вышел из беседки, едва умолкли слова Сюй Инбая, не колеблясь ни секунды; снег усыпал его с головы до ног.

— Он... — в голосе Мэй Юна прозвучало некоторое сомнение. — Из семьи Фу?

— Да, он сирота из рода Фу, — пояснил Сюй Инбай. — Я вытащил его из Великой тюрьмы.

Мэй Юн на мгновение лишился дара речи, а придя в себя, спросил:

— Зачем ты его спас?

Этот мальчишка, воспитанный Се Куаном, думал Мэй Юн, хоть характером и совершенно не похож на Се Куана, но умом ничуть не уступает — хитростей в нем не счесть, тысячи и сотни не перебрать.

Поэтому Мэй Юн, разумеется, не думал, будто Сюй Инбай вытащил человека из сострадания.

— Я помню, что господин состоял в близкой дружбе с маркизом Уань. Когда маркиз впал в немилость, вы тоже заступались за него, из-за чего едва не заплатились жизнью, — мягко и ласково улыбнулся Сюй Инбай. — Вот я и вытащил этого человека, чтобы господин остался мне должен.

Мэй Юн посмотрел на Сюй Инбая и вздохнул:

— Даже если бы ты не вытащил его сейчас, я бы со временем сам попросил тебя спасти его.

— Господин преувеличивает, — Сюй Инбай принял вид добродетельного и скромного человека. — От этого парня еще будет толк. Род маркиза Уань не пресекся, и когда в будущем его невинность будет доказана, а доброе имя восстановлено, он станет моим живым свидетелем, уличающим Лю Мана.

— Тогда после того, как все завершится, — Мэй Юн положил последний камень в чашу, — даруй ему свободу.

— Разумеется, — без тени колебаний ответил Сюй Инбай. — После того как дело будет сделано, пусть летит куда глаза глядят, просторы велики.

— Чего же ты хочешь от меня? — спросил Мэй Юн.

— Господин Мэй, — улыбнулся Сюй Инбай. — Я хочу, чтобы один даос попал в Цзиньтяньцзянь.

Лицо Мэй Юна посуровело:

— Кто именно?

Поскольку император слепо верил в духов, божеств и небесное предопределение, Цзиньтяньцзянь пользовался огромным влиянием со времен покойного императора. Желających протиснуться в Цзиньтяньцзянь было бесчисленное множество, и при каждом назначении или переводе в Ведомстве небесных предсказаний толпы людей осаждали Министерство чинов, неся деньги и сокровища.

— Лю Тинсюань, ученик даоса из Наньхая.

— Лю Тинсюань?

Это имя было никому не известным, Мэй Юн никогда не слышал, чтобы у даоса из Наньхая был ученик с таким именем, и озадаченно спросил:

— Чем этот человек привлек твое внимание?

— ... — Сюй Инбай лишь улыбнулся. — Разумеется, от него будет польза.

Мэй Юн не до конца понимал, что именно затевает Сюй Инбай, но все же согласился:

— Вернувшись, я сразу же займусь этим вопросом.

Сказав это, они сыграли еще несколько партий, в которых Сюй Инбай снова потерпел ряд поражений подряд. Когда Мэй Юна проводили, снег пошел еще сильнее, чем прежде.

Ли Куайцзы с зонтом в руке стоял рядом, едва успевая защищать его от падающего снега. Сюй Инбай стоял прямо, словно зеленая сосна, а его голос звучал мягко, подобно тающему снегу:

— Снег в этом году выпал слишком рано.

— И то верно, — подхватил Ли Куайцзы с горестным вздохом. — В начале года тоже долго снежило, а нынче холода обычно наступали на неделю-две позже. Раз снег пошел так рано и стоит такая стужа, страшно подумать, сколько людей замерзнет или умрет с голоду.

Мелкие снежинки оседали на брови Сюй Инбая, и он тихо произнес:

— Неудивительно, что уцзюэ снова пошли в атаку.

В северных пустынях холодает гораздо быстрее, чем у них. При столь неблагоприятной погоде у них не было продовольствия, скот замерзал, людям было нечего есть, и, доведенные голодом до отчаяния, они могли лишь схватиться за кривые мечи и ринуться на юго-восток.

В прошлой жизни все было точно так же: войска уцзюэ появились внезапно, и все города за заставой Цзяюйгуань пали жертвами их клинков.

Сюй Инбай, разумеется, и не надеялся, что Янь Шицин вышлет войска для защиты семнадцати застав Цзяюйгуаня. Он поспешно вернулся в кабинет, написал письмо, запечатал его сургучной печатью и громко позвал:

— Фу Линъи!

Окно внезапно распахнулось и тут же захлопнулось обратно, холод еще не успел проникнуть внутрь, как створки закрылись. Голосу Фу Линъи был присущ ледяной холод метели, но тон звучал пугающе нежно:

— Я здесь.

Ли Куайцзы, только что вошедший в комнату, чтобы подбросить в жаровню угля, от этого голоса покрылся мурашками, ощутив легкую дрожь.

Сюй Инбай, впрочем, не обратил на это внимания. Он запечатал письмо дополнительной имперской печатью, после чего протянул его Фу Линъи:

— Передай в Теневой Отдел, пусть срочно отправят гонца в Аньси.

Фу Линъи принял письмо обеими руками, и его пальцы случайно скользнули по тыльной стороне ладони Сюй Инбая. Сюй Инбай не придавала этому никакого значения, однако пальцы Фу Линъи нервно задрожали.

Он ответил, что понял, развернулся и вышел за дверь, но не прошло и мгновения, как вернулся вновь.

В кабинете потрескивал уголь в жаровне. Фу Линъи ступал бесшумно, остановившись у порога кабинета. Сюй Инбай сидел в плетеном кресле и переписывал даосские каноны.

Фу Линъи был абсолютно уверен, что не издал ни звука, даже дыхание скрыл под шумом снега, однако Сюй Инбай словно обладал парой дополнительных глаз: не поднимая головы и продолжая выводить иероглифы, он спросил:

— Что такое?

Фу Линъи опустил веки, пряча мрачное безумие и злобу во взгляде, и безмятежно, даже с легкой улыбкой на губах, спросил:

— Сюй Инбай... веришь ли ты в причину и следствие, в круговорот перерождений в этом мире?

Рука Сюй Инбая замерла, и тушь густой черной кляксой легла на бумагу:

— Пожалуй, верю.

Если прежде он не верил, то теперь верил наверняка. В конце концов, само его возрождение было вещью совершенно непостижимой, и если не объяснять его законом кармы и перерождений, то иного объяснения не сыскать.

Однако порой Сюй Инбай думал и о том, что всё в руках людей. Если божества и вправду заботятся о людских судьбах, почему они позволяют тем, кто преданно поклоняется им, скитаться в нищете и лишениях? События прошлой жизни, возможно, были лишь сном, приснившимся ему по дороге в Чанъань.

Впрочем, от долгих раздумий начинала болеть голова, и Сюй Инбай решил больше об этом не думать. Будь это вторая жизнь или долгий сон — какая разница! На этот раз он определенно не проявит мягкосердечия и не повторит прежних ошибок.

Сюй Инбай отложил кисть, повернулся и непринужденно спросил:

— А ты веришь?

Фу Линъи потерся зубами:

— Верю.

Сюй Инбай удивился:

— Ты и впрямь веришь в это?

Ожесточенный убийца, узник Великой тюрьмы, и вдруг верит в карму? Сюй Инбаю это показалось невероятным.

— ... — Фу Линъи уклонился от ответа.

Он не знал, как объяснить это: о таком явлении, как перерождение, кому ни расскажи — решат, что у него тяжелое помешательство.

Сюй Инбай не стал допытываться и продолжил переписывать канон. Вскоре он почувствовал, что Фу Линъи ушел, а обернувшись, убедился, что место, где тот стоял, действительно опустело.

Выведя последний иероглиф, Сюй Инбай отложил кисть и тоже вышел из кабинета. Вскоре после его ухода окно кабинета вновь открылось, и снежинки залетели на письменный стол.

Фу Линъи стоял перед столом, его взгляд был переменчивым и мрачным, то пустым, то исполненным оцепенелой боли. Он вытянул из стопки переписанных даоских канонов один лист, аккуратно сложил его и спрятал за пазуху, ближе к сердцу.

<http://bllate.org/book/18659/1798831>